

и безгодия. Четвертый идол Ладо: сего имеяху бога Веселия и всякаго благополучия. Жертвы ему приношаху, готовящийся к браку, помощью Лада мяще себе добро веселие и любезно житие стяжати. Сия же мерзость от древнейших идолослужителей пройдыде, уже неких богов Леля и Полеля почитаху, их же богомерзкое имя и до ныне по неким странам на сонмищах игралищных пением Лёлум, Полелум возглашают. Такожде и мать Лёлеву и Полелеву Ляду поюще Ладо, Ладо, и того идола ветхую прелесть диавольскую на брачных веселиях рукама плещуще и о стол биюще воспевают».²⁸

Иннокентий Гизель, бывший в годы составления «Синописиса» архимандритом Киево-Печерского монастыря, сообщив о языческих празднествах, благочестиво добавляет: «...от сего православному христианину всячески блюстися подобает». Но это не помешало ему продолжить далее рассказ «об идолах»: «Пятый идол Купало, его же бога плодов земных быти мняху. Шестый идол Коляда, бог праздничный, ему же праздник велий месяца декабря 24 день... а прочие богопротивныя мерзости измышляемы бывають, их же и писанию предати не подобает. Разве тех бесовских кумир, еще и иные идолы мнози бяху по имени: Усляд или Осляд, Кóрша или Хорс, Симарггя или Семарггя, и Макош или Мокош. Им же бесом померченныя людие, аки богу, жертвы и хваления воздаваху».²⁹

Выше уже приходилось говорить о том, что весь этот древнеславянский пантеон вошел в «Древний российский летописец» Ломоносова (1766), в «Краткой мифологический лексикон» М. Д. Чулкова (закончен в 1767 г., но вышел из печати позднее «Краткого описания славянского баснословия» М. В. Попова).

Во второй половине XVIII в. существовала сложившаяся традиция в интерпретации древнерусских языческих «идолов». Она вошла в «Историю российскую от древнейших времен» М. М. Щербатова, автор которой соединил летописные известия об установлении Владимиром Святославичем в Киеве в 980 г. изображений Перуна, Хорса, Дажбога, Стрибога, Семарггя и Мокоша со сведениями «Синописиса»: «...поставлены были... и еще другие: Волос, бог скотов; Подвиз или Похвист, бог непогод и вихрей; Ладо, богиня веселия, Леля и Полеля и Купила, бог плодов земных и множество других, которым поклонялись».³⁰

Лада как богиня любви упомянута А. Н. Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву». В главе «Валдай» он пишет: «Сей городок достопамятен в рассуждении любовного расположения его жителей, а особливо женщин незамужних... Бани бывали и ныне бывают местом любовных торжествований. Путешественник, условясь о пребывании своем с услужливою старушкою или парнем, становится на двор, где намерен принести жертву воображаемой Ладе».³¹

И. Н. Болтин, как мы помним, резко отрицательно отозвался в «Примечаниях на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка» об описании «Древнего богослужения славян», почерпнутого автором «из сочинений г. Попова».

Как мы увидим ниже, понимание Болтина нашло отражение в интерпретации и, следовательно, в переводе текста «Слова о полку Игореве», в котором достаточно широко представлен пантеон древнеславянских языческих богов начиная с Велеса, Дажбога, Стрибога и Хорса.

Следует отметить, что в Екатерининской копии «Слова о полку Игореве» и в переводе с комментарием слово «велесовъ» в словосочетании

²⁸ Синописис, или Краткое собрание от различных летописцев о начале славяно-русского народа... Киев, 1680. С. 45—46.

²⁹ Там же. С. 49.

³⁰ Щербатов М. М. История российская от древнейших времен. СПб., 1770. Т. 1. С. 245—246.

³¹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 300.